Моск комсомолец - 2005 - 17 октября - С. 7

ПЕРСОНА

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

В детстве он учил гаммы и играл на фортепиано, в юности пел "Дип Перпл". И считал все это серьезным основанием для музыкальной карьеры. Однако стал артистом. Но когда я смотрю в его по-восточному узкие глаза, слушаю голос с паузами, в которых качаешься, как в гамаке, то теряюсь: кто же он, этот Макс Суханов? Артист? Философ? Деловой человек?

ТАЙНА ПЛАНЕТЫ МАКС

Обозреватель "МК" узнал, как в Максиме СУХАНОВЕ уживаются бизнес, кино и театр

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

— Макс, так почему же все-таки не задалась музыкальная карьера?

— С детства я играл на фортепьяно — у меня музыкальное образование. И бабушка меня учила, и педагоги на дом приходили.

— Пел?

— Пел всегда. И группа в школе была. Причем пели только на английском языке. Одно время даже репетировали в "Московском комсомольце". Дело в том, что наш соло-гитарист работал в типографии и устроил нам в "МК" базу.

Я пробовал поступать в училище Ипполитова-Иванова, но в результате поступил в Щукинское.

— Представляешь себя в оперной партии?

— Я вообще не могу сказать, что вокал — это было для меня серьезно, занимался им скорее постольку поскольку. Хотя диапазон у меня был неплохой.

— Как музыкант, скажи: ты роль сначала видишь или слышишь?

— (*Пауза.*) Я думаю, что не слышу и не вижу, я стараюсь как можно больше информации получить от режиссера по поводу того, что он хочет сделать. Я стараюсь задавать ему много вопросов, потому что сам нахожусь в некоем сомнамбулическом состоянии. Когда проходит читка, я не включаю интеллект, а руководствуюсь интуицией, но не всегда она попадает в десятку. Поэтому мне нужны вопросы. И ответы на них. Знаешь, я не занимаюсь рефлексией. Мне это не нужно. Когда я играю, для меня на первом месте должно быть удовольствие. Иначе невозможно ничего передать зрителю.

1

— Ты болел когда-нибудь актерскими болезнями?

— А что это за болезни? Расскажи.

— Это, например, когда сносит крышу от того, что с тобой здороваются не три человека на улице, а триста. Артист тогда становится неадекватным, его, беднягу, не узнать.

— Но со мной до сих пор не очень-то здороваются. Думаю, что я на улице нечто другое собой представляю.

— А может, с тобой не здороваются, потому что ты из машины не выходишь?

— Почему? Выхожу. В магазин хожу, в аптеку. Я вообще люблю ходить.

— О чем думаешь, когда идешь по улице?

— Я успокаиваюсь. Понятно, что Москва по своему ритму и энергетике находится в предвоенном состоянии выживания: все куда-то бегут, не очень-то улыбаются, не замечают идущих рядом с собой, стоящих, лежащих. Все пропитано сарказмом. Все заняты процессом выживания. Я это чувствую и всегда чувствовал. Вот в Берлине или Хельсинки релаксация наступает, а здесь все выживают. Даже те, кто уже выжил.

— Ты тоже?

— ...Наверное, и я тоже.

— Какую музыку сейчас играешь?

— Баха, романсы, свои вещи.

— Музыкальный кумир молодости?

— "Дип Перпл". Кстати, когда они недавно приезжали на гастроли, то переводчица рассказала им обо мне, ну что я был в свое время их фанатом, и неожиданно я получил от них куртки, майки, диски, барабанные мембраны.

— Если бы поступил серьезный заказ на рок-оперу, то ты?..

— Если бы такая задача была, я бы в нее вошел с головой. Можно было бы по сказкам Гофмана написать.

— Точно, это твой персонаж.

2

— Твоя игра — непростая. И иногда мне кажется, что ты не сможешь просто выйти и просто сказать: "Кушать подано".

— Почему же? Я выходил у Струа в "Брестском мире" и говорил одно слово: "Прощай". Роль называлась "роль оратора". Я объездил с ней много стран. А насчет "кушать подано"... Я тебя уверяю: когда работаешь с талантливым режиссером и он просит тебя сказать в спектакле всего пару слов, это все равно будет нечто большее, чем эти два слова. Так было со Струа, я говорил "Прощай!", и это было важно. А если кто-то тебя просит что-то сказать так, ради хохмы, тогда, конечно, в этом не будет никакого смысла.

— У тебя есть роли, которые тебе неприятно вспоминать?

— (*Пауза.*) В свое время я не справился с ролью Черкуна в "Варварах". Не могу сказать, что мне это неприятно, но я отдаю себе отчет в том, что это была моя ошибка. Не в том смысле, что я согласился на эту роль, а в том, что так ее сделал. А еще что-либо? Нет, не припомню.

— Известный факт в истории театра: Михаил Чехов наблюдал смерть своего отца для того, чтобы это потом сыграть на сцене. Тебе не страшно заглянуть в эту бездну?

— Не страшно. Страшнее, может быть, об этом читать. Но человеку, занимающемуся серьезно самоанализом и самоисследованиями, это делать полезно. Тем более в такой профессии, как актерская. Во всем, конечно же, нужна мера, и нельзя этим заниматься везде. Но в любом случае это те неизведанные территории, которые ты обязан изучать, чтобы развиваться как актер. Я себя вполне представляю на месте Чехова.

— Ты в кино сыграл Ленина и Сталина. А Брежнева или Путина слабо?

— Что касается Брежнева... не знаю. На мой взгляд, этот человек ничего экстраординарного не совершил. А Путин... Я не вижу сейчас драматургии, которая могла бы так развернуть эту фигуру, чтобы можно было ее играть.

— А если это заказ Кремля? В конце концов, такое доверие и честь...

— Нет. Я думаю, что это было бы неправильно. То есть со мной должно что-то произойти, чтобы я на это согласился. Но тогда вряд ли это был бы я.

БЛИЦ

— Короткая или длинная дистанция?
— Длинная.
— Что делаешь, когда не хватает дыхания?
— Перестаю дышать.
— Играет роль внешний вид человека?
— Скорее опрятность.
— Ты владеешь иностранными языками?
— Немного. Я же играл спектакль на французском языке (МХАТ, Малая сцена, режиссер — француз). Играл с Юрским и Ольгой Яковлевой. Даже занимался языком с педагогами. Неплохой, надо сказать, был спектакль.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

3

— Размер гонорара влияет на выбор роли?

— Я никогда не соглашался на что-то ради денег в профессии. Я никогда не играл никаких концертов, не выступал с "чесовыми" спектаклями. В антрепризах не участвовал ради денег.

— Ты такой нематериальный?

— Нет, просто всегда пытался заниматься чем-то помимо театра. В школе и в институте разводил рыбок и продавал их на Птичьем рынке. Я всегда пытался что-то сделать и получить от этого выгоду. И давно считаю совмещение разных дел вполне нормальным явлением.

— Помнишь ли, в таком случае, свой первый заработок?

— Если ты думаешь, что для меня это было ярким событием, которое запомнилось, то ошибаешься.

— Может быть, ты просто не хочешь об этом говорить? Стесняешься? Я, например, с подружкой в школе почту разносила.

— О, я тоже с бабушкой почту разносил. Ей надо было и ночью работать, и я помогал ей разносить телеграммы по Выхину. А когда в Щукинском учился, на молочном заводе в Останкине делал сырки глазированные.

— А почему именно сырки?

— Я их люблю. Я работал и на упаковке, и на промывке тары.

Понимаешь, для меня территория театра сакральна. Здесь нельзя удовлетворить свой коммерческий интерес. Актер, конечно, должен зарабатывать в театре и хорошо зарабатывать, но это здесь не должно быть на первом месте.

— Тебе легко говорить и про сакральность, и про прочие возвышенные материи, поскольку ты умеешь заработать на стороне. Но твои коллеги не все имеют талант к бизнесу.

— А я-то тут при чем? Вообще все зависит от того, что ты делаешь, когда выходишь из театра. Вот дверь за тобой закрылась, и — вопрос: что дальше ты делаешь? Хочешь ли ты быть обеспеченным, как ты хочешь это делать, какова мера твоей ответственности перед родственниками, семьей, детьми? Здесь все дело в установке: для меня необходимо зарабатывать деньги — значит, я буду зарабатывать. А если ты делаешь то, к чему стремишься и желаешь этого, то только форс-мажорные ситуации могут тебе помешать.

— То есть с самого начала ты не испытывал никаких иллюзий насчет актерских заработков?

— Никаких. Ты знаешь, я вообще не испытываю иллюзий по поводу приятных или счастливых неожиданностей. Потому что ждать их — это неправильно. А когда это случается, то и называется неожиданность, счастливая для тебя. Все же остальное, хотим мы или не хотим, — путь выживания в том социуме, в котором находимся. Путь выживания и, наверное, побед. Все, что тебя не победит, сделает тебя сильнее.

— Вот тебя, судя по всему, не победил общепит *(смеется. — М.Р.)*, ты первым в театре открыл актерский буфет и держишь зрительские буфеты в других московских театрах. Тебя, артиста, не смущают какие-то котлеты, компоты?

— Нет, ты знаешь, не смущали и не смущают. Тем более что мы с моим другом и партнером Александром Самойленко настолько ответственно этим занимаемся, что упрекнуть нам себя не в чем. Я с уважением отношусь к людям, которые утром метут улицы, — мусор, грязь... Я видел, как некоторые делают это с удовольствием. Другие с удовольствием кормят котлетами и компотами. Я уверен, что это правильно, в этом нет ничего зазорного.

БЛИЦ

— Закат или восход?
— Восход.
— Пустыня или лес?
— Лес.
— Открытая форточка или шторы?
— Форточка. Стоп. Все-таки шторы. Про форточку я сказал, потому что здесь душно. Я очень люблю шторы.
— Место денег в твоей жизни?
— Без денег не обойтись. Я к ним отношусь с уважением — не больше, но и не меньше.

4

— Как в тебе уживаются бизнес и искусство: как кошка с собакой или как сиамские близнецы?

— (*Пауза.*) Как старший брат с младшим братом.

— Кто старший?

— Старший, наверное, тот, кто в бизнесе.

— Он строгий?

— Да нет, он нормальный. Просто никогда не будет младшим. Он все делает для того, чтобы младший как можно дольше не вырастал. Как можно дольше оставался в прекрасном детстве. Но при всем при том это два разных человека.

— Ты не испытываешь раздвоение личности?

— Я могу испытать даже растроение личности. Нет, правда, это хорошо, когда есть такие экзерсисы. Но это контролируется, а не то, что левая рука не чувствует, что делает правая.

— Ты начинал в 90-е годы — дикая стадия капитализации. Скажи честно, тебя заказывали?

— ...Нет, не было ничего такого. Я не берусь за всех говорить, но в чем-то, наверное, мне повезло. Во многом выживание зависит и от качества ведения дела, насколько ты честен по отношению к партнерам. Я не верю, что кто-то захочет тебя нагибать просто так. Собственное отношение к делу, оно о многом говорит.

— Скажи, в России можно честно построить бизнес?

— *(Длительная пауза.)* Есть человеческие отношения, есть человеческая мораль и собственная ответственность перед другими людьми, которые с тобой работают честно и порядочно. Есть ситуация вообще, связанная с развитием страны. Игнорировать ее, обойти или построить себе отдельный город мы не можем. У меня на это нет времени. И нет средств таких, чтобы построить отдельный город, где не было бы взяток, людей, помогающих тебе только за деньги. Просто все так организовано в нынешнее время, что, конечно, ты играешь в эту игру.

— Игру под названием "двойные стандарты".

— Мораль двойных стандартов не то что налицо, она уже давно вжилась во всех. И в меня тоже, наверное. Вот легализация проституции — почему она не происходит? Невыгодно. Большой группе лиц. А кто-то гормонально так далеко ушел, что не понимает, как это вообще может существовать. У нас — живущая на острие ножа страна. Ну что тут скажешь — такое вот евроазиатское наследие.

— Где для тебя больше адреналина — в бизнесе или на сцене?

— На сцене.

— Занятие бизнесом открыло тебе что-то как артисту?

— Нет. Бизнес — это только опыт общения, развитие интуиции, чтение хороших психологических работ, круг общения.

— Актерским мастерством пользуешься: на переговорах дать обаяние или дурку запустить?

— Я, знаешь, обычно дурки не запускаю. Вообще, чем проще я общаюсь, тем людям интереснее со мной.

5

— Давай поговорим о странностях любви. Какие для тебя в ней странности?

— Не знаю... (*Пауза.*) Это такое состояние чудесное... Не надо сравнивать любовь со страстью. Страсть люди придумали, чтобы красиво объяснить мимолетное увлечение. А в любви, как мне кажется, проходит несколько этапов. И любовь, какие бы этапы ни были, не угасает. Люди, которые идут по жизни вместе, они и конфликтами (а не скандалами) обязаны доставлять друг другу удовольствие. Я же говорил тебе, что люблю длинные дистанции. Поэтому я люблю проживать все этапы, а не сломя голову бежать впереди паровоза. Проживать и отдавать себе в этом отчет.

— Можешь сказать, что ради любви готов на все?

— Могу сказать. Не чувствую каких-то сомнений в этом. Но когда вопрос ставится так, имеется в виду что-то героическое. А я вообще не очень люблю героев. Вот если меня спросишь: "Ты смелый?" — я скажу: "Да". Но не могу сказать, что до такой степени знаю себя. Может быть, где-то я смогу струсить. Некорректно вне контекста ситуации говорить об этом.

— Какого из двух твоих братьев женщины больше любят: старшего или младшего?

— Когда речь идет о любви, они сливаются в одно целое.

— Это совпадение или нет: две прежние твои жены — актрисы. А третья — из другой оперы, журналистка. Ты больше не женишься на актрисах?

— Это воля судьбы, что мы встретились с Этери. Мне ее судьба послала. Она брала у меня интервью. Но интервью — это интервью, а жизнь — это жизнь. Этери, помимо того что она журналист, несколько лет назад занялась фотографией. И я отношусь к этому, конечно же, как младший брат: то, что она делает, для меня в диковину. А какое-то время назад она написала два сценария для кино. И я не могу сказать, что рассматриваю их как старший брат.

— У тебя со всеми женами хорошие отношения?

— Надеюсь (*пауза*), да.

— Похоже, на тему личной жизни ты?..

— Особенно не распространяюсь. Мне это не нужно. Может быть, это я такой, а может, результат той профессии, которой я занимаюсь. Я больше люблю создавать везде такие островки скрытности.

6

— Пережил ли ты что-то в жизни такое, что резко изменило твою жизнь и твое отношение к ней?

— Да, я пережил, но не буду говорить, что именно. Я об этом точно никогда и никому не расскажу.

— Это стыдно?

— Это не стыдно. Это не нужно. Моя исповедь, уверен, никому не поможет.

— Знаешь, Макс, когда я разговариваю с тобой, то думаю: как такой серьезный мужчина может выходить на сцену, что-то показывать, кривляться?.. Извини, ничего оскорбительного насчет профессии твоего младшего брата я не хотела сказать.

— Во-первых, я думаю, что тут постаралась генетика. А во-вторых, моя психофизика такова, что внутри меня большей частью живет тот Максим, которому было лет 10—11. И это состояние помогает мне играть. Очень люблю соединять его с тем взрослым, что во мне есть, но психофизически оставаясь при этом ребенком, который совершенно искренне переходит из одного состояния в другое за долю секунды: от абсолютного счастья к неимоверной трагедии. И то, и другое для него одинаково ценно. Не знаю, может быть, я мог быть и врачом, заниматься диагностикой. Но так случилось, что я актер. Мне это интересно.

— Бьюсь об заклад, что ты читаешь философские труды.

— Периодически читаю (*пауза*), да.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

БЛИЦ

— Огонь или вода?
— Огонь.
— Сладкое или соленое?
— Сладкое.
— Скорость или тишина?
— Скорость.
— Доктор или парикмахер?
— Доктор.
— Виолончель или ударные?
— Виолончель.
— Я так и знала. Спасибо.

P.S. Недавно Максим Суханов вместе со своим бывшим сокурсником Александром Самойленко помогли Щукинскому училищу издать эпохальную книгу "Вахтанговская школа. Летопись 1913-2000 гг.".

Марина РАЙКИНА.